

KOTAVA Tela Tamefa Golerava

Piskura : Kotava.org gesia ~ ~ www.kotava.org

Anton Tcehov

VOLKALUCA

Верпотам
(1887)

Калкотавакс : Mixail Kostov (2008)

Антон Павлович Чехов
Беда

Рассказ
(1887)

Преобразователь : Михаил Костов (2008)

Беда	Volkaluca
<p>Директора городского банка Петра Семёныча, бухгалтера, его помощника и двух членов отправили ночью в тюрьму. На другой день после переполоха купец Авдеев, член ревизионной комиссии банка, сидел с друзьями у себя в лавке и говорил:</p> <p>— Так, значит, богу угодно. От судьбы не уйдёшь. Сейчас вот мы икрой закусываем, а завтра, гляди, — тюрьма, сума, а то и смерть. Всякое бывает. Теперь взять к примеру хоть Петра Семёныча...</p> <p>Он говорил и жмурил свои пьяные глазки, а приятели выпивали, закусывали икрой и слушали. Описав позор и беспомощность Петра Семёныча, который ещё вчера был силен и всеми уважаем, Авдеев продолжал со вздохом:</p> <p>— Отзываются кошке мышкыны слёзки. Так им, мошенникам, и надо! Умели, курицыны дети, грабить, так пушай же теперь ответ дадут.</p> <p>— Гляди, Иван Данилыч, как бы и тебе не досталось! — заметил один из друзей.</p> <p>— А мне за что?</p> <p>— А за то. Те грабили, а ревизионная комиссия что глядела? Небось ведь ты подписывал отчёты?</p> <p>— Экость, легко ли дело! — усмехнулся Авдеев. — Подписывал! Носили ко мне в лавку отчёты, ну и подписывал. Нешто я понимаю? Мне что ни дай, я всё подмахну. Напиши ты сейчас, что я человека зарезал, так я и то подпишу. Не время мне разбирать, да и не вижу без очков.</p> <p>Потолковав о крахе банка и о судьбе Петра Семёныча, Авдеев и его приятели отправились на пирог к знакомому, у которого в этот день была именинница жена. На именинах все гости говорили только о крахе банка. Авдеев горячился больше всех и уверял, что он давно уже предчувствовал этот крах и ещё два года тому назад знал, что в банке не совсем чисто. Пока ели пирог, он описал с десяток противозаконных операций, которые ему были известны.</p> <p>— Если вы знали, то отчего же вы не донесли? — спросил его офицер, бывший на именинах.</p> <p>— Не я один, весь город знал... — усмехнулся Авдеев. — Да и нет времени по судам ходить. Ну их!</p> <p>Отдохнув после пирога, он пообедал и ещё раз отдохнул, потом отправился ко всеобщей в свою церковь, где был старостой; после всеобщей опять пошёл на именины и до самой полночи играл в</p>	<p>Pyotr Semyonovitch gadesik va omelt ke widava is patik is inaf pomasik is toloy bewik ke ristus pirdot mielon al zo koflintad. Direvielon vani elogara, Avdyeyev dolekik, i bewik ke enintesa neda ke omelt, do yon nik koe dolta prileyer :</p> <p>— Efe, ~ kaliyir, ~ Lorik al kuranir. Va bali somedivvawat. Re va klarisokxa aulon votat, voxe dire koe flint ok oliz ok dace awalk. Kotcoba rosokir. Va tula ke Pyotr Semyonitc anton krafiat...</p> <p>In itabudemeson pulviyil ise uliyil, ise volpeson va klarisokxa, nik terekayad. Pimtasen va bokera is jovlera va Pyotr Semyonitc darevielon gjarotif is ware poran gan kottan, Avdyeyev repaleson dakiyir :</p> <p>— Karvol gu ikuza ke slakol zo fabur. Ale, maneke, efe, man todlik! Tozekik grudubieyed, re gonodulzoed.</p> <p>— Rodaxal, Ivan Danilitc, da gu koncoba di mbi culimel ! ~ tan nik dizveyer.</p> <p>— Jin, tokdume ?</p> <p>— Lecen. Sin al dubied, vexe enintesa neda, va tokcoba askiyir ? Kas va poferopatak me al sugdal ?</p> <p>— Ax ! drikarsafa ! ~ Avdyeyev kiceson kaliyir. ~ Volgue, al sugdal. Poferopatak ko jinafa dolta zo vanbureyer nume sugdayá. Kas gildá ? Zilil va coba djumel, nume nyeká. Sutel da va kontan al laridagabé, nume sugdá. Me rovodimaotcé, ise a wezo me gruwí.</p> <p>Pulviyison va atitsura ke omelt is bali ke Pyotr Semyonitc, Avdyeyev is dositikeem den kapas kurenik ke tan sinaf nik laniyid enide va zomak di estuyud. Kottan va atitsura ke omelt anton pulviyir. Avdyeyev loeke lulaweyer ise ravaldayar da jontikedje al abdiwiyir, ise mali tolda ixam grupeyer da kotcoba dene omelt me tiyir cufa. Edje va zomak estuyud, va mon sanoya memwelafa sopura inton grupena dribuyur.</p> <p>— Ede grupeyel, tokdume me rankeyel ? ~ tan fayik kapas eruyur.</p> <p>— Me tiyí antaf, kotafa widava grupeyer... ~ Avdyeyev kiceyer. ~ Ison va erkey me gibenobá. Baix !</p> <p>Moi zomak ve kenibeyer, aze sielestuyur, aze gire kenibeyer. Vanion ta sielblikera ko intafa uja laniyir lize tiyir pofesik. Moi blikerá va nafa mona</p>

проферанс. По-видимому, всё обстояло благополучно.

Когда же после полночи Авдеев вернулся к себе домой, кухарка, отворявшая ему дверь, была бледна и от дрожи не могла выговорить ни одного слова. Его жена, Елизавета Трофимовна, откормленная, сырая старуха, с распущенными седыми волосами, сидела в зале на диване, тряслась всем телом и, как пьяная, бессмысленно поводила глазами. Около неё со стаканом воды суетился тоже бледный и крайне взволнованный старший сын её, гимназист Василий.

— Что такое? — спросил Авдеев и сердито покосился на печку. (Его семья часто угорала.)

— Сейчас следователь с полицией приходил... — ответил Василий. — Обыскивали.

Авдеев поглядел вокруг себя. Шкафы, комоды, столы — всё носило на себе следы недавнего обыска. Минуту Авдеев простоял неподвижно, как в столбняке, ничего не понимая, потом все внутренности его задрожали и отяжелели, левая нога онемела, и он, не вынося дрожи, лёг ничком на диван; ему слышно было, как переворачивались его внутренности и как непослушная левая нога стучала по спинке дивана.

В какие-нибудь две-три минуты он припомнил всё своё прошлое, но не нашёл ни одной такой вины, которая заслуживала бы внимания судебной власти...

— Всё это одна чепуха... — сказал он, поднимаясь. — Это, должно быть, меня оговорили. Надо будет завтра жалобу подать, чтобы они не смели это самое...

На другой день утром, после бессонной ночи, Авдеев, как всегда, отправился к себе в лавку. Покупатели принесли ему известие, что в истёкшую ночь прокурор отправил в тюрьму ещё товарища директора и письмоводителя банка. Это известие не обеспокоило Авдеева. Он был уверен, что его оговорили и что если он сегодня подаст жалобу, то следователю достанется за вчерашний обыск.

В десятом часу он побежал в управу к секретарю, который был единственным образованным человеком во всей управе.

— Владимир Степаныч, что же это за мода? — начал он, наклоняясь к уху секретаря. — Люди крали, а я-то тут причём? С какой стати? Милый человек, — зашептал он, — ночью-то у меня обыск был! Ей-богу... Осатанели они, что ли? За что меня трогать?

dimdenlaniyir lize kapa al dilizeyer aze kali mielacku liwuyur. Kotcoba dilizeckeyer, nuve.

Viele Avdyeyev dimdenlaniyir, burmotasikya fenkuson tiyir zwafa ise skocepeyer eke mekon ropulviyir. Kurenik, Elizaveta Trofimovna, i tcistafa is ilgaelesa guazikya, skotcesa koe kotafo alto, ton volvuyun lukoptaf usuk, moe saxatca debanyeyer, ise inaf iteem tanamuyur dumede ina tiyir grijafa. Beneon, reilavagekirafe taneafe nazbeikye, i Vasili, dere zwafi is skaltepeyeni, gisi va galema dem lava koe nuba, royneyer.

— Tokcoba dilizer? ~ Avdyeyev eruyur, volvaleon kodusukeson va bending. (Yasa jontikviele zo vimtayar).

— Sure malyesik do ardial al pir... ~ Vasili dulzeyer. ~ Al kowid.

Avdyeyev anamdisukeyer. Yona rastoka isu trayka isu azega, kotcoba va tcala ke noeltafa kowira nediyir. Tanwexon, dolekik zavzayar mezekas kir alizin, mekon gildason; azon, inaf beweem toz skotceyer aze turusagaweyer; taltenimat laninde zo aliziyir; bam volins roveskotceson, ton vola ko saxatca, in senyayar; koepak ipegayar ise glagaf taltenimat alieweyer.

Tolwexon ok barwexon, va darekeugal setikeyer, voxе va mek tegiks rojekus va malyerot trasiyir.

— Batcoba tir kranderera... ~ ranyason kaliyir. ~ Ape al zo emodá. Fu gotemotá enide metan milkane rovebaskitir...

Direvielon rielon, vani mekenibes mielcek, Avdyeyev dum kotvielon ko dolpa laniyir. Anelik pu in givayad da, bak mielcek, buntusik va dere ikagadesik ke omelt is jadif dodesik volmiv al koflintayar. Bat warzot va Avdyeyev me tuguyayar. In laneyer da al zo emodayar, nume ede revielon co-temotar, pune kogrupasik darevielon kowiyis di zo co-pursar.

Moni sane bartiv, den suteptik ke kazakoka tis antaf arayakirik ke bat pirdot, laniyir.

— Vladimir Stepanitc, toka tir bata cava? ~ pu suteptik kokaliyir. ~ Konaktel al dubied, voxе tokinde batcoba va jin tikir? Icde tokcoba? Abegik, ~ tcipayar, ~ daremielon al zo kowí! Lorik... Tokdume zo kostrú?

— Lecen ayik me golinular namulol, ~ suteptik

— А за то, что не нужно быть бараном, — покойно ответил секретарь. — Прежде чем подписывать, надо было глядеть...

— Что глядеть? Да гляди я в эти отчёты хоть тысячу лет, я ничего не пойму! Чёрта лысого я понимаю! Какой я бухгалтер? Мне носили, я и подписывал.

— Позвольте. Кроме того, вы, как и вся ваша комиссия, сильно скомпрометированы. Вы без всякого обеспечения взяли из банка 19 тысяч.

— Господи твоя воля! — удивился Авдеев. — Нешто я один должен? Ведь весь город должен! Я плачу проценты и отдам долг. Господь с тобой! А кроме того, ежели, скажем, рассуждать по совести, нешто я сам взял эти деньги? Мне Пётр Семёныч всучил. Возьми, говорит, и возьми. Ежели, говорит, не берёшь, то, значит, нам не доверяешь и сторонисься. Ты, говорит, возьми и отцу мельницу построй. Я и взял.

— Ну, вот видите: так могут рассуждать только дети и бараны. Во всяком случае, сеньор, вы напрасно волнуетесь. Суда вам, конечно, не избежать, но, наверное, вас оправдают.

Равнодушие и покойный тон секретаря повлияли на Авдеева успокаивающе. Вернувшись к себе в лавку и застав в ней приятелей, он опять выпивал, закусывал икрой и философствовал. Он уж почти забыл об обыске, и его беспокоило только одно обстоятельство, которое он не мог не заметить: у него как-то странно немела левая нога и почему-то совсем не варил желудок.

Вечером того же дня судьба сделала по Авдееву ещё один оглушительный выстрел: на экстренном заседании думы все банковцы, в том числе и Авдеев, были исключены из числа гласных, как находящиеся под судом и следствием. Утром он получил бумагу, в которой его приглашали немедленно сдать должность церковного старосты.

Затем Авдеев потерял счёт в выстрелах, которые делала по нём судьба, и для него быстро один за другим замелькали странные, небывалые дни, и каждый день приносил с собою какой-нибудь новый неожиданный сюрприз. Между прочим, следователь прислал ему повестку. От следователя вернулся он домой оскорблённый, красный.

— Пристал, как с ножом к горлу: зачем подписывал? Подписывал, вот и всё! Нешто я нарочно? Носили в лавку, я и подписывал. Я и читать-то по писанному путем не умею.

Пришли какие-то молодые люди с равнодушными

aulon dulzeyer. ~ Abdi sugdara, kodisukera...

— Va tokcoba gokodisuké ! Kore va batyona pata kundon co-disuké, va mecoba co-gildá ! Oretlik vanpir usukiskaf ede va abiccoba wí ! Kas tí patiik ? Kontan piyir, nume sugdayá.

— Pará. Rade batcoba, rin, is winafa neda, va int al rotplekupuyuc ! Ika meka ozexa, al iskec da kunlerd-decitor talok al zo divomeltad.

— Va kuranira ke Lorik ! ~ Avdyeyev diviegayar. ~ Kas ant danú ? Kotafa widava danur ! Va dulapok dodé ise va boza verkatá. Lorik do rin ! Ison, ronjon pulvit, kas va bata erba miv al narí ? Pyotr Semyonitc mu jin al narir. « Naril, ~ pu jin al kalir, ~ naril !! Edeme, ~ kaliyir, ~ batcoba co-sugdalar da va cin me dirnul nume me pakel. Naril, ~ kaliyir, ~ aze va lavarn mu gadikye vevedul !! » Kle, al narí.

— Kle, rabatel : ant rumeik ok namulol batinde sotrakud. Kottode, weltik, va vugcoba me dwil. Tce va komalyera me tarutetel, voxe, ape zo vanbulutul.

Upakuca is aulaf kom ke suteptik va Avdyeyev vandiliyid. Dimdenlaniyison va dolta lize va yon nik trasiyir, toz uliyir ise va klarisokxa volpeyer aze trakopuyur. Va kowira ixam riwe al vulkuyur ; vexe uum olyasteyer : taltenimat re al tuaxaweyer ise uvoona mea logayar.

Ba siel ke bat viel, bali va Avdyeyev ware anzapayar. Bak fruga ke dotakoka, kot korik ke omelt, don Avdyeyev, gu bewikeem zo trideyed kire gan malyerot zo onkayad. Direvielon rielon, va eluxaxa kazawayar kane zo plateyer da va pofesik va uja di gogrifiyir.

Avdyeyev va pata ke arak ke vordava azon drasuckuyur. Divulaf is warzaf viel tantanon tiskiyid. Kot va kona warzafa akoyera vanbureyer. Tulon, malyesik va gledaxa stakseyer. In va malyesik denulaniyir, kantán, keraf.

— In karakeyer, dum kan wed keve larida : « tokdume sugdayá ? » Sugdayá, loxe ! « Kas dovoron askiyí ? » Eluxaxa ko dolta zo vanbureyed nume sugdayá. Dace va rubiaks anton grubelí.

Azon konak jotaf weltik piyid, ton brunafa tiva, aze

лицами, запечатали лавку и описали в доме всю мебель. Подозревая в этом интригу и по-прежнему не чувствуя за собой никакой вины, оскорблённый Авдеев стал бегать по присутственным местам и жаловаться. По целым часам ожидал он в передних, сочинял длинные прошения, плакал, бранился. В ответ на его жалобы прокурор и следователь говорили ему равнодушно и резонно:

— Приходите, когда вас позовут, а теперь нам некогда.

А другие отвечали:

— Это не наше дело.

Секретарь же, образованный человек, который, как казалось Авдееву, мог бы помочь ему, только пожимал плечами и говорил:

— Вы сами виноваты. Не нужно быть бараном...

Старик хлопотал, а нога немела по-прежнему и желудок варил всё хуже. Когда безделье утомило его и наступила нужда, он решил поехать к отцу на мельницу или к брату и заняться мучной торговлей, но его не пустили из города. Семья уехала к отцу, а он остался один.

Дни мелькали за днями. Без семьи, без работы и без денег, бывший староста, почтенный и уважаемый человек, по целым дням ходил по лавкам своих приятелей, выпивал, закусывал и выслушивал советы. По утрам и вечерам он, чтобы убить время, ходил в церковь. Глядя по целым часам на иконы, он не молился, а думал. Совесть его была чиста, и своё положение объяснял он ошибкой и недоразумением; по его мнению, всё произошло только оттого, что следователи и чиновники молоды и неопытны; ему казалось, что если бы какой-нибудь старый судья поговорил с ним по душам и подробно, то всё вошло бы в свою колею. Он не понимал своих судей, а судьи, казалось ему, не понимали его...

Дни бежали за днями, и наконец после долгой, томительной проволочки наступило время суда. Авдеев взял займы 50 рублей, запасся спиртом для ноги и травкой для желудка и поехал в тот город, где находилась судебная палата.

Суд продолжался полторы недели. Всё время суда Авдеев солидно и с достоинством, как это подобает человеку почтенному и невинно пострадавшему, сидел среди товарищей по несчастью, слушал и ровно ничего не понимал. Настроение у него было враждебное. Он сердился, что его долго держат в суде, что нигде нельзя достать постной еды, что защитник не понимает его и, как казалось ему, говорит не то, что нужно. Судьи, казалось ему, судили

va kuecaxa koe dolta rundayad ise va gutoeem ke Avdyeyev frimayad. Pesteson gunaf gu mecoba is levaykason va kona urbera ke batcoba, dolekik bazaxobaxoon vulteyer ise temotayar. Bak yon bartivap koe sarandaxo zavzagiyir, va abrotcafa malyegaxa volmiv suteyer, boreyer ise mibuweyer. Gu inyona temotara, buntusik is kogrupas malyesik upakon dulzeyed :

— Pitol viele zo rozayar ; re me ugaldadiyiv.

— Artan kaliyid :

— Me cinafa arienta.

Ison suteptik, i arayakirik ropomas va Avdyeyev inde in trakuyur, anton epitumayar ise tolkaliyir :

— Al kuraniil. Me gotiyil namulol, fiste...

Guazik jonkon godelayar, voxe inaf nimat wan tiyir tulwaf ise uvoona loloroton logayar. Viele kliwuca anzayar ise funera tozuweyer, in den gadikye koe lavarn ok den berikye djukumallakiyir ise va kazara va denta di viunsuyur. Vexe va widava vol zo ronobuluyur. Inafa yasa mallakiyir, voxe ant in zavzagiyir.

Viel tantanon tiskiyid. Uneiskaf is erbiskaf, savsaf pofesik dene yona nikafa dolta remi afizcekap, re giluliyir, gilestuyur, ise va yona pirdara terektayar. Rielon is sielon, ta atara va ugal, ko uja laniyir. Remi konak bartiv va ewaveem disukeyer, meblikeson, voxe trakuyur. Inafa jiluca tiyir karafa nume va intafa debala kan kona rokla oku brugey pebuyur. Sedme in, kotcoba va kogrupas malyesik malfiyir, ise ar fliibik tiyid jotaf is bagaliskaf. Cwe ede kon guazaf malyesik do in co-roflideyer, ton gloqa kev gloqa, pune pintason kotcoba va gubefa vura co-dimkofiyir. In va toloy malyesik me gildayar, voxe malyesik va in nuve me gildayar...

Viel ware tiskiyid, aze adim, arti yona abrotcifa is sitafa edja, ugal ke malyera sokiyir. Avdyeyev va alub-sanoy rubl talolk beituyur, aze va ruyat ta nimat is yona selaxa ta uvoona eksayar, aze tori widava mallakiyir lize erkey debokayar.

Arienta remi tanoya safta is acku dakiweyer. Avdyeyev, kotedje, vanmiae intaf volfalaf pusik debanyeson zavzagiyir, ton gorestuca is bagaliuca katisa va porik memalyon buntun, terektas vox mekon gildas. Zo zuneyer da manedje zo malyeyer, da va mazdasinka melize rotrasiyir, ise da inaf rojusik va in me gildayar nume va gokaliks cwe me kaliyir. Malyesik cwe dere me malyeyed inde co-gonaskiyid. Va in anton moobrayad, tanon kotbarkon anton

не так, как бы следовало. Они не обращали на Авдеева почти никакого внимания, обращались к нему раз в три дня, и вопросы, которые они задавали ему, были такого свойства, что, отвечая на них, Авдеев всякий раз возбуждал в публике смех. Когда он порывался говорить о своих проторях, убытках и о том, что желает взыскать судебные издержки, защитник оборачивался и делал непонятную гримасу, публика смеялась, а председатель строго заявлял, что это к делу не относится. В своём последнем слове он сказал не то, чему учил его защитник, а совсем другое, тоже возбуждившее смех.

В те страшные часы, когда присяжные совещались в своей комнате, он сердитый сидел в буфете и совсем не думал о присяжных. Он не понимал, зачем они совещаются так долго, если всё так ясно, и что им нужно от него.

Проголодавшись, он попросил лакея дать ему чего-нибудь дешевого и постного. За сорок копеек ему дали какой-то холодной рыбы с морковью. Он съел и тотчас же почувствовал, как эта рыба тяжелым комом заходила в его животе; начались отрыжка, изжога, боль...

Когда он потом слушал старшину, читавшего вопросные пункты, внутренности его переворачивались, тело обливалось холодным потом, левая нога немела; он не слушал, ничего не понимал и невыносимо страдал оттого, что старшину нельзя слушать сидя или лежа. Наконец, когда ему и его товарищам позволили сесть, встал прокурор судебной палаты и сказал что-то непонятное. Точно из земли выросши, появились откуда-то жандармы с шашками наголо и окружили всех обвиняемых. Авдееву приказали встать и идти.

Теперь он понял, что его обвинили и взяли под стражу, но он не испугался и не удивился; в животе происходил такой беспорядок, что ему было совсем не до стражи.

— Значит, нас теперь не пустят в номер? — спросил он у одного из своих товарищей. — А у меня в номере три рубля денег и непочатая четвёртка чаю.

Ночевал он в частном доме, всю ночь чувствовал отвращение к рыбе и думал о трёх рублях и четвёртке чаю. Рано утром, когда небо стало синеть, ему приказали одеться и идти. Два солдата со штыками повели его в тюрьму. Никогда в другое время городские улицы не казались ему так длинны и бесконечны. Шёл он не по тротуару, а среди улицы по тающему, грязному снегу. Внутренности всё ещё воевали с рыбой, левая нога немела; калоши он забыл не то в суде, не то в частном доме, и ноги его

bibeyed, ison bata bibera tiyir manapafa eke dulzeson, kotviele Avdyeyev va kipera ke saneg lulayar. Viele va intyona erbatazdara is intafa djudimerbara gu ixalara lapulviyir, rojusik vanon rwodeyer aze merogildanon konejayar ; saneg kipeyer ise taneatisik dakteyer da batcoba me tiyir uum. Viele in mbi eruyur kase va koncoba djuloplekuyur, va coba ponayana gan rojusik vols koton arcoba gire lulasa va kipera, me kaliyir.

Remi yon polas bartiv ke builtara ke malyeruk, Avdyeyev koe estuxo debanyeyer, mekon modovason va malyeruk. Me gildayar da builtara tiyir abrotcipafa larde kotcoba tiyir aftapafa ise me gildayar da batlize gotigiyyir.

Ve aeleyer nume va gradjokafa mazdasinka imaxuyur. Va kiinda ke fentaf skaday do afeda ika balem-sanoy kopek talolk mbi ziliyyir. Moida al estuyur, va gamiafa fixuinda zekasa koe uvoona pestaleyey.

Viele azon va malyerukokilik belis va bibeyen uumeem terektayar, koepak koton tanamuyur; fentafa furovera va inafu alto pumayar, ise va taltenimat mea pestaleyey. Me gildeyer, me gildayar, ise mejerseyey da va malyerukokilik debanyeson ok senyeson me roterektayar. Viele int is dositikeem adim ronodebanyayad, buntusik debanyayar aze koncoba rogildana gan int kaliyir. Batultik gis va gadiaf abalt awiyid, dumede va sid divlaniyid, aze va korolanikeem koanamayad. Avdyeyev va ranyara az lanira mbi granseyey.

Bam ve gildayar da wetce gunik al zo dakteyer nume zo sopeyer, vexe men zo kovudayar ise me destayar ; funera ke inafa uvoona tiyir popofa eke va arcoba mekon rodulapeyer.

— Kas kle ko gida re me rovedimlanit ? ~ pu tan dositik eruyur. ~ Voxe jin va baroy rubl dilgavatalolk koe mawa is mebokayanu amu ke yelada dagi !

Va mielcek koe ardialxe tiskiyir, ise va boikera ke kabay kotedje satoleyer ise va intaf baroy rubl talolk is amu ke yelada modovayar. Ba gazda, viele kelt toz tufaltaweyer, va vagera az lanira mbi granseyey. Toloy sayakik, ton fluga bene buli, va in ko flint stayad. Va twern vols istak ke vraday koo zionafa is jewesa nolda gonomoolaniyyir. Inafa uvoona va kabay wan lyumayar, taltenimat tiyir poiskaf ; va vukudaloyxa al drasuyur, rotir koe erkeyxe ok ardialxe, nume

<p>зябли...</p> <p>Через пять дней всех обвиняемых опять повели в суд для выслушания приговора. Авдеев узнал, что его приговорили к ссылке на житьё в Тобольскую губернию. И это не испугало его и не удивило. Ему почему-то казалось, что суд ещё не кончился, что проволочка всё ещё тянется и что настоящего «решения» ещё не было... Жил он в тюрьме и каждый день ждал этого решения.</p> <p>Только полгода спустя, когда пришли к нему прощаться жена и сын Василий, когда он в тощей, нищенски одетой старушке едва узнал свою когда-то сырую и солидную Елизавету Трофимовну и когда вместо гимназического платья увидел на сыне куцый, потёртый пиджачок и сарпинковые панталоны, он понял, что судьба его уже решена и что, какое бы ещё ни было новое «решение», ему уже не вернуть своего прошлого. И он в первый раз за всё время суда и тюремного заключения согнал со своего лица сердитое выражение и горько заплакал.</p>	<p>nugeem cugeke tiyir fentaf...</p> <p>Arti alubka, koridanikeem ko erkeyxe ta restalira gire zo stayar. Avdyeyev gildeyer da gu stanjura koe Tobolsk winka zo lanzayar. Ise batcoba va in dere me kovudayar. Cwe jiz me tiyir tenunaf ise arienta wan dilizeyer ise meki ageltucafi « restali » al zo gorayar. In koe flint va bati « restali » kotvielon keyer.</p> <p>Arti anton tandacku, viele kurenik is Vasili nazbeik ta donekiavara kevlaniyid, viele koe mazdafa is copon vagekirafa guazikya awisa va intaf tcistaf is ilamkaf kurenik Elizaveta Trofimovna kagrupenseyer, viele va nazbeikye vagekirafe gu rija kum stamaja is unenikaf femlot ledam reilatantazukot wiyir, pune gildayar da inafi bali al zo tenekayar ise, damo beti warzafi restali co-rotisi, inaf darekeugal me di zo dimziliyir. Ise taneatomon mali toza ke jiz is koflintara, in va zidesa tiva jovleyer aze piron boreyer.</p>
--	--